

Родной дом

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка – к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листвы не осталось, –
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чувствует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землёю,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

Сибирь

Я с берега слежу
За птичьей стаей...
И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавящейся стали,
Когда зажгутся бакены на ней.
Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал:
Куда б меня ни занесло,
Я в эту землю врос,
Как корни кедра,
Невидимо,
Упрямо,
Тяжело.

На Ваганьковском кладбище

Прохладно было. Сыро по-осеннему.
И листья в скверах дворничихи жгли.
Мы шли на день рождения к Есенину.
На кладбище Ваганьковское шли.

Шли пионеры, старики и женщины.
Тут, в напряженье каждого держа,
Вселялась в нас чуть грустно и торжественно
Бессмертных строк открытая душа.

Мы круг тесней у памятника сузили –
И, приглушая в голосе металл,
Читала женщина «Поэтам Грузии»,
А я «Письмо от матери» читал.

О чём-то о своём вдруг всхлипнул пьяница,
А старый клён листвою прошумел,
Что кто к стихам, хоть грубовато, тянется,
Тот нежность сохранить в себе сумел.

Смеркалось быстро. Каждому, наверное,
Хотелось с ним побыть наедине...
Мы отошли. Открыв бутылку «Вермута»,
Глазами отыскиали в стороне

Неровно листопадом занесённую
Могилку безымянную с крестом.
И выпили. Сначала за Есенина
И за Россию-матушку потом.